

Полвека после Второй мировой войны страна оставалась самой закрытой в Европе. Сейчас в ней активно строят отели, причем люди просто захватывают земли. Жизненная программа албанца сводится к двум пунктам: «Разбогатеть и отомстить своим врагам»

ВИЗИТ К СОСЕДЯМ НА АДРИАТИКУ

Пестро.
Мэр с анархистским прошлым и гей-настоящим задал пестрый архитектурный стиль Тираны, разукрасив серые коробки прежнего режима в цвета радуги

«Пирамида».
В мавзолее Энвера Ходжи сейчас агитируют за НАТО, а бармены «Мумии» угощают кофе по-турецки

Без тирана.
На опустевшем подножии памятка Ходже албанцы приторговывают мобилками и коноплией

ТИРАНА БЕЗ ТИРАНА: КУПИТЬ «МЕРС» И ОТОМСТИТЬ КРОВНИКУ

МАЙК ЛЬВОВСКИ, КРЫМ

Албания и албанцы еще долго будут оставаться в плену новых мифов, которые создают кинематографисты и СМИ. Вроде того, как СССР в голливудских фильмах преподносили зрителям как суровое климатическое пространство с бродячими медведями и вечно пьяными мужиками. Поднадоевших русских антигероев в кино вытесняет албанская мафия, албанские террористы и наркоторговцы. На самом же деле в Тиране шансов «вляпаться» в историю не больше, чем в Ялте или Одессе.

Полвека после Второй мировой войны Албания оставалось самой закрытой страной Европы. «Железный занавес» генсека АТП (Албанской трудовой партии) Энвера Ходжи был покрупнее советского. Страна варилась в собственном соку, а сохранившаяся экзотика того режима привлекает туристов куда больше, чем развалины римских поселений или неприступные стены легендарной 2500-летней крепости Розафа на Скадарском озере.

Пересечь наземную албанскую границу проще на авто с проводником. Процедура займет 15–20 минут. Визу штампуют на месте за 10 евро. «Одиночек» иногда заворачивают без объяснения причин. А объясниться с албанскими пограничниками проблематично — элементарными знаниями английского языка мало кто обременен. Можно купить и турпакет — албанский от-

дых на Адриатике пока самый дешевый в Европе. Неделя с полным пансионом в отеле Дурреса стоит 200–250 евро. Побережье быстро застраивается. Причем нелегально — около 90% отелей первой и второй линии построены на самозахватах, без разрешения властей.

Через 7–10 км от границы по дороге в Тирану начинаются россыпи больших и маленьких серых «гри-

Если бы средства, затраченные на оборону системы, потратили на албанцев, все семьи были бы с квартирами

бов». Это доты — огневые точки с амбразурами под толстым слоем железобетона. В Албании их до 700 тысяч. Идея их создания посетила албанского кормчего в начале 70-х, когда разум его уже был подвержен параноидальным заскокам. Энвер Ходжа, оставшись без союзников, так надеялся организовать оборону от Югославии, Греции, Италии. Бун-

керы построены везде: среди полей и гор, в сельской местности, в городах и даже на пляжах. По рассказам старожилов, госприемка была жесткой — инженера с бригадой строителей загнали под «гриб» и обстреливали из пушки. Выдержал дот прямое попадание — получи, шоку (товарищ), устную благодарность от партии. Сейчас селяне используют их как сараи для скота или для просушки сена. Некоторые сбивают купола и делают стяжки для фундаментов новых домов, на пляжах — оборудуют под бары.

МЕЧТА АЛБАНЦА. Не меньше чем бункеров вдоль дорог заведений под вывесками «Lavazh». Пункты не связаны с питанием — это мойка машин. Первая ступень в бизнес-притязаниях албанцев, одержимых мечтой разбогатеть. Владелец десятка автомоек может накопить на бензocolонку. Но прежде всего — автомобиль. Албанцы помешаны на «Мерседесах». Две машины из трех в потоке — «Мерсы». Большинство выпуска 70–80-х годов. Как такое их количество попало в страну, остается загадкой. «Мерседес» — это смысл и показатель уровня жизни албанца. Без «Мерседеса» — ты никто. Остальные авто — для дураков...

Как мне рассказал владелец маленького отеля с претенциозным названием «Европа» в Дурресе, жизненная программа албанца сводится к двум пунктам: «Разбогатеть и отомстить своим кровникам». Хотя не все с такими настроениями.

ТУРИСТЫ — ДИКОВИНКА

▶ В небольших городах албанцы только при выкают к иностранцам, поэтому с интересом могут подойти и просто рассматривают человека. Улыбаются, что-то спрашивают на тарабарском. В Тиране диалог с местными носит более конструктивный характер. Прохожий терпеливо объясняет, как пройти к единственному на Балканах отелю «Шератон» в основном движением рук. К нему может присоединиться еще пара-тройка человек с версиями кратчайших путей. Ты уходишь, а собеседники продолжают спорить без тебя.

— Я — косовар, дешево продал свой дом в Приштине и переехал в Дуррес 12 лет назад, — рассказывал мне лавочник Рамиз. — Устал жить на пороховой бочке. У меня же не осталось сыновей — двое погибли. Есть три дочери, и я для них выбрал другое будущее. Но возвращаться в Косово и сводить счета не собираюсь... Половина мужского населения страны — на заработках в Италии, Германии, Швейцарии, Франции... Кто-то честно трудится, а кто-то шустрит на подхвате — перерягают украденные машины, переправляют и продают гашиш.

В супермаркете, гостинице или банке персонал объясняется на английском. По части безопасности — как у нас: на удаленных от центра улицах могут «тиснуть» фотоаппарат или видеокамеру, в толпе — подчищают карманники. Но агрессии нет. Открыто с оружием никто уже не ходит, кроме полицейских и охранников обменных пунктов. Разглядывая город, нужно смотреть под ноги — местами отсутствуют люки. В любом городе рядом стоят мечеть, православный и католический храмы. После 40-летней диктатуры Энвера Ходжи, объявившего Албанию первым в мире атеистическим государством, многие албанцы так и остались атеистами. Мусульмане достаточно европеизированные. На улице часто встречаются показательные пары — бабушка в хиджабе и ее внучка с открытым пупком в джинсах и топике.